

Мои четыре
слова о маме

Владислав Ролнев 18+

Владислав Фолиев

Мои четыре слова о маме

«Автор»

2025

Фолиев В.

Мои четыре слова о маме / В. Фолиев — «Автор», 2025

Влад до девяти лет воспитывается в детском доме, и после того как его забирают приемные родители, в возрасте восемнадцати лет он находит в социальной сети свою родную мать. Он приезжает к ней в город, начинает с ней общение, но не рассказывает о том, что он ее сын...

© Фолиев В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение	5
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мои четыре слова о маме

Введение

Вчера исполнилось десять лет со дня ее смерти. Когда я увидел на кухонном календаре число и вспомнил, что оно значит для меня, мне стало невыносимо. Боль отличалась от той боли, какую я испытывал каждый раз в ее годовщину, – может, это из-за даты, а может, из-за слишком отчетливого осознания того, что она не увидела мою дальнейшую жизнь, что она не приняла в ней никакого участия. Весь день я был подавлен, провел его в размышлениях и воспоминаниях о ней. Состояние мое близилось словно к неизбежному концу – вот я наедине с собой, и самое время подвести итоги своего существования, которое на самом деле только начинается.

Воспоминания о ней по-прежнему оказались живы. Иначе быть и не могло: они глубоко отпечатались в моей памяти яркими картинками, к которым спустя столько лет я могу обращаться без особых усилий. Мы провели вместе так мало времени, но этих дней мне хватило, чтобы я смог запечатлеть ее, навсегда впитать дорогой для себя образ, когда-то возбуждающий с особой теплотой мои чувства. Я не сказал ей правду, не поделился с ней тем, ради чего все это начинал. Она так и не узнала о человеке, который любил ее только за то, что она есть. И сейчас, когда мысли мои все еще заняты только ею, я хочу облегчить свое состояние, хочу начать писать о том, что произошло со мной одиннадцать лет назад. Я хочу прожить это снова.

Часть 1

1

Чем старше я становился, тем навязчивее у меня возникало желание найти свою биологическую мать. Все чаще я начинал представлять ее, думать о причине, по которой она отказалась от меня в младенчестве. Предлогов для нашего с ней разрыва я придумывал множество, но все они сводились к одному оправдательному: в ее жизни произошло нечто серьезное, что не позволило ей оставить меня. Образы ее в голове моей тоже возникали всегда разные, но однажды, еще до школы, я почему-то решил, что она стройная, с черными волнистыми волосами до плеч и милостивым лицом, которое наверняка я увидел на каком-нибудь рекламном плакате или в учебнике – так я и стал обозначать ее в своих мыслях.

Я всегда хотел узнать правду, понять, почему моя жизнь началась именно так, а не иначе – с детского дома, без родителей. Это незнание истока, отправной точки собственного «я» всегда вызывало у меня сожаление и в то же время сильное любопытство. До своего совершеннолетия у меня было лишь несколько попыток найти информацию о матери через интернет, чего у меня не вышло (все происходило сначала на библиотечных компьютерах школы, а затем, когда я стал старше, на моем подержанном ноутбуке). Копать глубже и начинать серьезные поиски я не решался: я не знал, с чего начинать, считал себя недостаточно взрослым, по-настоящему готовым к раскрытию этой тайны, и, к тому же, все это казалось мне несправедливым по отношению к моим приемным родителям, или, как я называю их сам, – к моим родным родителям. Они усыновили меня, когда мне было девять. Отец – высокий, худощавый, с ласковыми, почти что женскими карими глазами с длинными ресницами, – в первую нашу встречу сел ко мне на корточки, одну ногу выставив немного вперед, и спросил: «Правда, за окном отличная погода?» На улице действительно было тепло и солнечно: наступала весна и таял последний снег. Отец потом вспоминал (чего я уже не помню), что я ответил ему, что в окно я смотрел только утром перед завтраком и тогда все было пасмурно, а затем я посмотрел в окно коридора, где проходила наша встреча, и, увидев яркое солнце, ответил: «Да, сейчас вижу. Погода хорошая». Мама была более робкая. Полненькая, в вязаной бежевой кофточке и узкой черной юбке, она стояла позади папы, ближе к окну, и держала обеими руками свою сумочку. Яркий свет окутывал ее с ног до головы, но в тот момент мне казалось, что яркость эта будто излучалась из нее самой, от ее вида, в котором мой детский взгляд находил скромность и доброту. Этот первый увиденный мною образ мамы осел в моей памяти толстым пластом. Когда мы немного поговорили с папой, она подошла ко мне, протянула ладонь, которую я легонько потряс, и сказала: «Привет, я Мария». Я поздоровался и тоже назвал свое имя.

Обоим им было за тридцать. Собственных детей у них не было – мама была бесплодна. Как рассказывал мне потом отец, особо он об этом не беспокоился, он любил ее и в усыновлении или удочерении видел естественный выход. Мама же сильно переживала из-за этого и однажды сказала ему, что если он уйдет, то она все поймет. Отец ругал ее за такие слова и говорил ей, что не бросит ее из-за «такой мелочи».

Они познакомились за четыре года до моего усыновления. У отца, за плечами которого уже был один брак, жизнь складывалась, мягко говоря, не очень. Спустя год после развода (от этого брака детей у него не было) он попал под сокращение на своей работе в редакции газеты, где писал на протяжении многих лет спортивные статьи, и в силу проблем с деньгами и своего чувствительного склада личности он терял всякую причину, которая должна бы была удерживать его от спиртного. Он пил, проводил почти весь день дома. Но затем, как он сказал мне,

его «клюнула птица», он нашел в себе силы и с трудом устроился в крупную редакцию, где и познакомился с мамой, которая работала там художницей в отделе, выпускающем детский журнал. Отец, до этого не веривший ни в какие знаки или судьбу, теперь был уверен, что все, что произошло с ним до этого, было неспроста – он оказался там, где должен был оказаться, – рядом с этой девушкой. Мама сразу же заворожила его своей нежной стеснительностью и мягкостью и стала для него маячком, помогающим все дальше отдаляться от еще недавних «темных» дней. Он стал ухаживать за ней, и они быстро сблизилась.

У мамы это был первый брак и, как окажется, единственный. Она родилась на юге страны, в небольшом городке у самого моря, и вскоре после рождения, в возрасте трех лет, из-за рабочего перевода отца – он работал на управляющей должности в рыболовной компании – она с родителями переехала в С., где прожила вплоть до окончания 9 класса. Еще будучи школьницей, она закончила художественную школу, а после школы поступила в колледж искусств в Д. Она успешно выучилась там за четыре года и стала преподавать изобразительное искусство в одной из местных школ, но, долго там не задержавшись, нашла свое место в одном из журналов, где стала работать иллюстратором. Конечно, это не была ее мечта – сопровождать картинками рассказы: она всегда хотела выставляться в крупных галереях, чтобы люди видели ее работы и восхищались ими. Она продолжала писать и отправлять фотографии своих картин организаторам выставок по всей стране в надежде на признание. С согласием на сотрудничество отвечали только небольшие галереи, но и этому мама была рада – ее стали наконец выставлять, и за это она получала символические деньги.

После нашей первой встречи родители приходили ко мне еще несколько раз, и в один день, который остался в моем детстве одним из самых радостных, воспитательница подозвала меня из игровой комнаты и сказала, чтобы я собирался, потому что меня забирают мама и папа. Прибежав в спальную комнату, я рассказал все своему ближайшему другу Мише – парнишке с вечно растрепанными блондиновыми волосами, походившими на сложенные друг на друга перья. Он спал, когда я навис над его кроватью и стал хлопать его по плечу – в те дни ему нездоровилось, – и, услышав меня, он приподнялся на локтях и уставился на меня своим уставшим видом. Я быстро рассказал ему обо всем, а он лишь спросил, не до конца отойдя ото сна: «Все-таки они пришли за тобой? Ты же будешь приходить к нам?» Я ответил: «Да, буду», – собрал все вещи, которые сказала мне собрать воспитательница, и, обняв его, вышел. Воспитательница зашла в мою комнату проверить, все ли я забрал с собой, и, подтвердив мою готовность, повела меня в коридор.

2

Мы жили в трехкомнатной квартире далеко от детского дома – в «старой» части города. Мне выделили небольшую комнатку с бело-голубыми обоями: одноместная кровать с грядучками у окна, навесная полка над кроватью, на противоположной стороне – кремовый шкаф для вещей, стол с фиолетовой настольной лампой и деревянный стул. Все здесь в доме первое время казалось мне особенным, необычным, все хотелось рассмотреть и потрогать. Лакированная коричневая мебель, мамины картины, написанные акварелью и карандашом, коллекция белых статуэток на серванте в зале, вазочки, разноцветные корешки книг, всякая мелочь, разбросанная по комнатам. Но я был тихим и скромным, поэтому без разрешения никуда не лез – бегал лишь глазами. Вся эта новая обстановка нашего общения стесняла меня, была новизной, и родители, замечая мою скованность, говорили, что теперь это мой дом тоже, и просили меня не переживать. Они рассказали мне об опасностях в квартире, то, чего мне нельзя делать, и, пройдя этот урок, я был свободен в своем передвижении.

Меня перевели в новую школу в десяти минутах ходьбы от дома, а еще спустя несколько недель после моего «переезда» родители записали меня на плавание, видя в этом отличную возможность укрепить мое здоровье (в то время я был щуплый, болезненный). Так и вышло, что этот вид спорта стал сопровождать меня вплоть до окончания университета, и, можно сказать, именно благодаря ему в свои восемнадцать лет я был складного, плотного телосложения, олицетворяющего отношение к здоровому образу жизни.

С учебной проблем у меня не возникало: еще до того, как родители забрали меня из детского дома, в школе я показывал хорошие результаты – учиться мне нравилось. Новый школьный коллектив принял меня так, словно я и не появлялся: никто не интересовался мною, не заводил разговоров. Все слышали мой голос только тогда, когда я отвечал на вопросы преподавателей. Но это мне и нужно было первое время: в спокойном одиночестве, где никто не наседал надо мной и не подтрунивал, я присматривался ко всему вокруг и привыкал. Я замечал, что внутри класса существуют маленькие группы по два-три человека, которые дружат. Со временем я стал понимать, что и мне надо внедриться в какую-нибудь группку, чтобы облегчить свою учебу, да и одиночество, казавшееся вначале мне таким удобным, перестало приносить мне удовольствие – вновь, как и тогда в детском доме, я хотел окружать себя разговорами и весельем. И только благодаря собственной инициативе спустя пару недель я вошел в круг двух друзей, неплохо учившихся парней. Я подружился с ними до самого выпуска, но (к сожалению или к счастью) вскоре наши дороги разошлись, и я потерял с ними всякий контакт.

Родители очень скоро нашли со мной общий язык, и я привязался к ним. В их отношении ко мне я видел то, что не давало мне усомниться в том, что люди эти хотят сблизиться. Они интересовались мною, были чуткими, а их педагогическая чуйка стремительно разрушала мое чувство «самозванца», которое было у меня первое время, – казалось, будто я неуместен, будто занимаю чье-то место в доме. Их грамотные действия, направленные на мою адаптацию к ним, едва ли основывались на чьем-то опыте, – как я узнаю уже будучи взрослым, они принимали решения интуитивно: без помощи книг, советов родных и уж тем более без обращения к своему личному опыту, которого у них на этот счет просто-напросто не было. К тому же я и сам был благодарен им за то, что они забрали меня, что у меня началась эта «новая жизнь», и поэтому уважительно относился к ним и боялся чем-либо обидеть их, заставить разочароваться во мне. Я грелся от одной мысли о том, что теперь и у меня есть те двое, которые были для меня всегда какими-то образами из кино и книг.

В детском доме, бывало, я думал о родителях своих одноклассников, и это приводило меня к беспокойству. Заключалось оно вовсе не в том, что я не могу испытать на себе родительскую заботу, и не в том, что у всех моих одноклассников на школьные собрания приходили родители, а у меня – одна из воспитательниц, которую я толком и не знал, – скорее оно было вызвано чувством несправедливости иного рода. Я спрашивал себя: «Почему именно я выделяюсь среди других? Почему именно я не могу свободно выйти на улицу, как делают это мои одноклассники, и пойти, куда мне вздумается, за пределы территории детского дома? Почему у меня нет своей комнаты?» Эти вопросы оставляли в недоумении, в некоторой степени даже вызвали злость, обиду. Но злился я скорее не на свою биологическую мать, оставившую меня здесь, а на ту неизвестную мне цепочку событий, заставившую ее сделать это. Мой детский ум, уже привыкший к жизни среди таких же брошенных детей, как и я, таким образом временами бунтовал и каждый раз в конце концов приходил к неутешительному выводу, навевающему мне совсем несправедливое чувство вины: я говорил себе, что, наверное, я и есть причина того, что я здесь.

Но теперь я оказывался в доме своих родителей и переставал вгонять себя в эти отяжеляющие размышления. С каждым проведенным здесь днем я ощущал, будто с моего тела все сильнее облупливалась яркая краска, запечатлявшая мою прошлую жизнь. Получая их любовь и эту самую «свободу», о которой я всегда размышлял, я начинал отрекаться от своего же

убеждения в том, что если бы у меня и были родители, то они не смогли бы дать мне что-то особенное, то, чего я не смогу найти самостоятельно – я верил, что, когда я вырасту, я с легкостью замещу отсутствие любви родительской любовью к девушке: эти чувства ложно представлялись для меня равноценными.

В целом, жизнь в детском доме была неплоха – кормили сытно, временами у нас появлялись по-настоящему хорошие воспитательницы, которые, можно сказать, были трепетны к нам, но долго они не задерживались: каждый ребенок, которому так не хватало внимания, вешался на их доброту и отзывчивость, и они попросту не выдерживали работы здесь; у меня был лучший друг (про которого я уже упомянул), да и вообще со многими я был как одна большая семья. Да, бывало, нас унижали старшие ребята, давали затрещины, нас чрезмерно наказывали грубые, черствые воспитательницы, которые, казалось, восполняли свои обиды через нас – детей. (Помню, как одной зимой, наверное, за год до того, как меня забрали родители, я случайно задел рукой вазочку с конфетами, которая полетела со стола и разбилась. Низенькая тучная воспитательница, не разобравшись, взяла меня резко за рукав, проговаривая «будешь мне тут еще играть», и поставила меня в одних носках в холодный угол, до пола которого не доходило тепло от батарей. Я простоял там около получаса и после этого заболел.) Внутри нашей «детдомовской семьи» тоже было не все гладко. Бывали ссоры, правда, редко доходившие до драк, но быстро мы понимали, что это неправильно, что нужно держаться друг друга в этих и так непростых условиях, и поэтому очень скоро все мирились. Но сейчас я говорю, что жизнь там была «неплоха» именно потому, что с возрастом я узнал о стольких ужасах, которые происходили в других детских домах, что та жизнь, запечатленная в моей памяти, действительно кажется сейчас мне «неплохой». И, конечно, то, что я получил к девяти годам жизни, и рядом не стоит с тем, что было в моей жизни до. Я попал в совершенно иные условия, стал получать такие важные для ребенка любовь и внимание единолично. И все это благодаря им.

Отец без преувеличения стал для меня новым лучшим другом. Я безумно любил его. На протяжении всех тех лет, что он был в моей жизни (умер он, когда мне было 26, больше трех лет назад), у меня не было никого ближе, с кем бы я мог делиться сокровенным так, как делал это с ним. Любая проблема, сомнение – я обращался к отцу, иногда прося, чтобы об этом не знала мама. С мамой я был тоже очень близок, но она была для меня нежным, святым, хрупким. Той, с которой я становился уязвимым, которую я не хотел тревожить даже малейшим способом, обременять грузом своих переживаний. Она была моим идеалом (а как иначе). Каштановые длинные волосы с золотистыми переливами, полные краткие губы, глубокий, трогательный взгляд светло-зеленых глаз – от одного ее вида я мог ощутить трепет, восхищение, понять, что расту во взаимной любви.

Наша с отцом дружба во многом сложилась благодаря футболу – он его обожал, болел за испанский клуб. Долгое время в детстве он занимался мини-футболом и мечтал стать профессиональным нападающим, но из-за прекращения финансирования секцию закрыли, а оставшийся зал так и продолжили сдавать в аренду желающим поиграть. Город был небольшой, и другой футбольной секции там не было, поэтому отец завязал с постоянными тренировками – выходил лишь на улицу погонять мяч с друзьями. Спустя годы, когда он поступил на журфак, он стал играть за университетскую команду, но к чему-то серьезному это тоже не привело. Так и оставшись с мечтой о карьере футболиста, он все-таки нашел способ быть причастным к спорту и еще в университетские годы стал обозревать спортивные события в университетской газете, а уже после учебы стал работать в редакции спортивного журнала.

Сразу после усыновления отец стал втягивать меня в свое увлечение. Часто на выходных или вечером после его работы, набивая глубокую чашку какими-нибудь сухариками и выдавливая майонез с кетчупом в тарелку, мы садились на диван перед экраном телевизора и смотрели матчи. Одновременно с комментатором он рассказывал мне о футболистах: кто чем хорош, где кто раньше играл. Его азарт быстро распространился и на меня, и очень скоро я

знал многие составы наших и европейских клубов, а затем и вовсе стал спорить с ним о будущих исходах матчей.

Вскоре после моего знакомства с футбольной жизнью отец повел меня на стадион, где играла наша местная футбольная команда. Я был на подобном мероприятии впервые. Единственная трибуна стадиона, где мы и сидели с отцом, была заполнена наполовину. В итоге наша команда выиграла, я был под впечатлением, но после матча, когда мы вышли за ворота стадиона, отец сказал мне: «Не, Влад, это ненастоящий футбол. Совсем нет красоты. Ни скорости, ни техники. Будет время, обещаю, свожу тебя куда-нибудь в П. Вот это можно будет назвать футболом. Да, а знаешь что, поедem туда на мой летний отпуск на несколько дней, отдохнем. С мамой будем гулять по городу, а с тобой зайдем на матч». Так и вышло, что летом с родителями я поехал на поезде в П., где мы провели пять дней. В первые дни мы все вместе гуляли по городу: смотрели музеи, сады, парки, – а на третий день мы пошли с отцом на матч. Игнали З. и Ц. На входе отец показал наши билеты, мы прошли через турникет и, казалось, целую вечность шли по какому-то темному коридору, в конце которого был виден естественный свет: прямо как после смерти, думал я. Наконец мы вышли из коридора, и мне показались поле, разминающиеся футболисты и огромные заполненные трибуны по всему периметру стадиона. Мы прошли с отцом на свои места куда-то на верхние ряды. «Ну вот, сейчас посмотрим футбол», – сказал он, и мы стали ждать начала. Вскоре игроки выстроились в шеренгу, прозвучал футбольный гимн, и игроки пожали друг другу руки. Вокруг начался шум, ниже нас заскандировали. Уже в первом тайме было два гола в одни ворота: один сильный удар издадека, второй – головой сблизи. В перерыве отец достал из сумки сок и бутерброды, которые мы сделали с ним заранее в номере, и мы перекусили. Когда команды вернулись после перерыва на поле, они подарили нам еще один гол, но теперь в другие ворота ударом с района одиннадцатиметрового. После матча мы с отцом были взбудоражены и проболтали всю обратную дорогу на метро. От всех этих событий я порядком измотался и, вернувшись в номер, уснул...

Любовью окутывали меня не только родители, но и моя бабушка по папиной линии – Таисия Николаевна. Ей было 63, когда я появился в их семье. Она овдовела за несколько лет до этого. С мужем она познакомилась еще в университетские годы на какой-то конференции – оба были медики: бабушка училась на фельдшера, а дедушка – в ординатуре на невролога. Прожили они вместе почти сорок лет, но дедушку захватила сердечная недостаточность, от которой он вскоре скончался.

Я увидел ее впервые у порога квартиры: высокая, тучная, с аккуратно собранными в пучок седыми волосами, она держала в руках белый пакет с зеленой эмблемой, на дно которого был уложен испеченный ею «Наполеон» – самый вкусный «Наполеон» в моей жизни. С первых же минут я обманчиво почувствовал от ее крупного, грубого вида и больших старых рук с белыми потертостями какую-то настороженность, которая, впрочем, очень скоро разбилась о ее легкость и непосредственность, делающие из человека преклонного возраста настоящую драгоценность для ребенка. Она пригласила меня в зал, а родители прошли на кухню. Мы сели с ней на диван, и она, показывая мне мягкую улыбку на своем круглом морщинистом лице, спросила:

– Ну, чем ты увлекаешься?

– Люблю рисовать.

– Рисовать, значит, – повторила она со своим внимательным взглядом, – прямо как мама.

Я и вправду с ранних лет любил рисовать. В детском доме у меня был толстенький блокнотик, где я рисовал ручкой всяких животных, несуществующих существ и закрашивал их карандашами. Иногда рисовал дома, машины. Я помню, как на первой встрече с родителями на их вопрос, чем я увлекаюсь, я ответил то же самое, что и бабушке, и принес им этот блокнот. Думаю, этим своим увлечением отчасти я тоже привлек маму: она поняла, что между нами есть то, что может нас сблизить. И когда я стал жить с ними, она стала учить меня азам рисования.

– И кого же тебе нравится рисовать больше всего? – спросила бабушка.

– Не знаю, наверное, животных, деревья. Природу, в общем.

– А людей нравится?

– Они пока что плохо у меня получаются.

– Понятно. Ну ничего. Ты же будешь учиться рисовать их, не бросишь это дело? – спросила она, по-доброму улыбнувшись еще сильнее, и мне почему-то показалось, будто она ждет от меня какое-то остроумие.

В голове у меня пронеслось изречение, которое я слышал от какого-то взрослого: «Жизнь изменчива, все возможно», – но все же я решил пойти по известному мне пути, приятному для любого взрослого, и ответил:

– Не собираюсь. Буду учиться.

– Ну и славно, – сказала она, а затем стала расспрашивать меня о том, нравится ли мне здесь.

После нашего разговора я попробовал ее торт на кухне. Когда через пару дней торт закончился, я попросил у нее, чтобы она приготовила еще. А затем, когда закончился и новоиспеченный, – еще.

Я заметил, что люди стремятся к упрощению памяти о своих близких – они стараются свести ее к вещи, запаху, вкусу, звуку, одним словом, наделить ушедшую жизнь символом; это вовсе не плохо и не значит, что так мы избавляемся от важного человека в своем сознании: это всего лишь выход, щадящий путь после утраты, ведь жизнь, сконцентрированная в одном-единственном символе, кажется более осязаемой, благодаря такой ассоциации связь с общим прошлым становится отчетливее, отрывочные воспоминания скрепляются в нечто единое, последовательное, целое; чувствуя этот символ, ты чувствуешь и человека – резко, отчетливо.

Моим символом о бабушке стал ее «Наполеон». До сих пор я покупаю этот торт в разных местах: кондитерских, пекарнях, в обычных продуктовых магазинах, – но покупаю не с надеждой найти похожий и впасть в ностальгическую пропасть, а потому, что этот вкус прежде всего наши с ней дни, разговоры, – это она сама.

Родители часто оба были на работе, поэтому меня оставляли с ней. После нашего совместного обеда (я учился в школе в первую смену и приходил как раз в обеденное время) она любила рассказывать истории из своей жизни, которые, как мне казалось, никогда не могли закончиться. Несомненно, у нее был дар рассказчика, который с силой захватывал мое воображение и уносил в то время, где я никогда не был. В начале нашего с ней общения я испытывал особое, странное чувство: вот передо мной пожилой человек, который в моем воззрении был таковым всегда, но нет – оказывается, когда-то давно он был моего возраста, когда-то он впервые влюбился, когда-то он был моложе, быстрее, лицо его было подтянутее и чище. Эта мысль всегда увлекала, завораживала мое детское сознание, я был от нее в некотором недоумении и однажды спросил у нее: «Ба (я звал ее так), как ты себя ощущаешь?» Она посмеялась и спросила, что я имею в виду. «Ну, быть в таком возрасте, – продолжал я, – когда ты прожила столько событий». Улыбка ее сделалась менее живой, она немного задумалась, а затем сказала то, что я необъяснимо для себя почему-то очень хорошо запомнил: «Знаешь, ощущение такое, будто мне до сих пор лет двадцать. Когда ты дойдешь до этого возраста, тебе покажется, что ты впитал в себя все, что хотел, узнал то, что хотел, и сформировался как человек, как личность. Затем человек этот будет лишь стареть, изменяться внешне. Да, конечно, мы изменяемся внутренне и дальше, но то, что закладывается в нас на рубеже этого возраста, и будет нашей основой».

Пересказывала она мне и книги. С легкостью она заманивала меня к прочтению: рассказывала какой-нибудь рассказ, и для того, чтобы я прочитал его самостоятельно, она не раскрывала мне концовку. До этого я читал с малой охотой и только то, что требовали в школе, но

теперь, когда я читал рассказы по бабушкиным пересказам, я стал проглатывать их один за другим: меня интриговало, как автор прописывает все то, что я слышал от нее. Я с уверенностью могу сказать, что именно она привила мне любовь к художественной литературе.

После нашего общения она включала телевизор, а я удалялся к себе в комнату, понимая, что настало время, чтобы каждый побыл наедине с собой. Бабушка негромко слушала развлекательные передачи или фильмы, а я должен был делать уроки. Частенько я откладывал это дело в долгий ящик и выполнял все на скорую руку, в последний момент перед ее «проверкой» – вместо этого я читал журналы, книги про животных, играл в игрушки, а иногда и вовсе уходил гулять, говоря ей, что осталось доделать совсем немного. Бабушка эту аферу, конечно же, понимала, но особо за нее меня не ругала, а говорила лишь, чтобы «когда она ушла, я все доделал, а не то родители надают ей по шее». Так мы и делали: она говорила родителям, когда те возвращались с работы, что я все сделал и она проверила, а я же на самом деле доделывал все позже, чаще перед сном или же на переменах.

Я хорошо помню день, когда ее не стало. Худший день моего детства в противовес тому, когда родители забрали меня из детского дома. Она должна была прийти в обед, но ни через час, ни через два ее так и не было. Папа позвонил мне в два часа дня и спросил, пришла ли бабушка. Получив от меня отрицательный ответ, очень скоро он позвонил мне снова и сказал, чтобы я вел себя осторожно, потому что бабушка не придет. А вечером, когда родители вернулись вместе, папа подошел ко мне и рассказал о том, что у бабушки случился сердечный приступ и спасти ее не удалось. Мне было 11.

Впервые я потерял близкого и понял, что человек, пребывающий в моей жизни не так много времени, может стать для меня одним из самых важных.

3

В 2009-ом, успешно сдав экзамены после школы, я прошел по баллам в университет в соседний город по специальности «Агрохимия и агропочвоведение» на очно-заочную форму. Грядущая «взрослая» жизнь вне родительского крыла манила меня, и уже после того, как я получил положительный ответ из университета на мои отправленные документы, казалось, для меня открывалась дверь к переменам, к еще большей степени моей свободы. Я предвкушал, что наконец мог взять под контроль свою жизнь, которая с самого рождения была вне моего контроля, – у меня появлялся выбор: я мог решать, чем мне заниматься, с какими людьми заводить знакомства. Мне было почти восемнадцать, я был открыт миру, хотел окружать себя чем-то новым и в этом порыве решил, что настало время найти свою биологическую маму.

Несмотря на то, что после усыновления я неизменно получал родительскую любовь, мысли о родной матери никуда не пропадали. Более того, с каждым годом они становились все тревожнее. Казалось, будто чем старше я становлюсь, тем старше становится она, и мы отдаляемся из-за этого еще дальше. Узнав в девятилетнем возрасте правду о том, что родительская любовь отлична от любви к девушке, моя глубинная детская жажда к родной матери, хотел я этого или нет, начала идти наружу, стремительно нарастать во мне. Теперь мне было недостаточно узнать одну лишь причину, из-за которой я оказался в детском доме: теперь я хотел быть любим ею – своей родной матерью. Я начинал верить, что вместе с ней моя жизнь станет полноценнее, в своих фантазиях я представлял, как мы познакомимся, как будем поддерживать друг друга, что об этом никто не будет знать, что мы сможем дать вторую жизнь нашей когда-то прерванной связи – связи между матерью и сыном. Та, которую я еще даже не знал, была для меня яркой звездой, спрятанной где-то в далеком, скрытом от глаз других месте, но я верил, что, как только я найду ее, как только ее свет начнет падать в мою сторону,

я окончательно сброшу с себя то бремя, которое нес с самого детства, я пойму, кто я, и таким образом обрету покой.

Я знал имя, фамилию и возраст моей биологической матери – мне рассказала об этом одна из воспитательниц, когда я учился во втором классе. Она работала в нашем детском доме все время, сколько я себя помню, и я относил ее к «хорошим» воспитательницам. Она водила меня в школу с первого класса, и за это время мы более-менее поладили. Меня водили и другие воспитательницы, но только с ней я мог свободно болтать, рассказывать о своих школьных днях. И вот однажды зимой, когда мы возвращались вечером из школы, как обычно, пешком – школа была совсем недалеко от детского дома, – она сказала мне, что провожает меня последний раз, так как уходит с работы из-за ухудшающегося здоровья, и поэтому меня будет водить другая женщина. Слова ее меня расстроили не только потому, что мне придется ходить с другой воспитательницей, которая с большой вероятностью окажется мрачной и совсем неразговорчивой, но и потому, что я давно собирался спросить у нее про маму, так как близость нашего общения в моем детском понимании позволяла сделать это, а теперь эта возможность стремительно терялась; именно поэтому после услышанного я решил более не медлить и сразу же обратился к ней, конечно, ни на что не надеясь.

– Ольга Валерьевна, – уверенно сказал я, – вы не могли бы сказать, как зовут мою маму? – Я смотрел на нее с поднятой головой, и она приподняла свои прямоугольные очки ближе к глазам.

– Зачем тебе знать об этом? – спросила она.

– Хочу найти ее, когда вырасту, – с таким же напором ответил я.

Она смотрела на меня еще пару мгновений, а затем увела взгляд вперед.

– Нам нельзя говорить об этом вам, детям.

– Почему? – в недоумении спросил я.

– Есть правила, которые мы должны соблюдать на работе, – спокойно продолжала она.

В детском доме незнание о своих родителях было чем-то само собой разумеющимся. Я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил о своих родителях. Будто это было какое-то табу. Меня всегда поражало, что никто и не пытается узнать о них, будто они чего-то боятся. Но на самом деле это был вовсе не страх – это была всеобщая глубокая обида, шлейф которой по негласному правилу должен был окружать каждое сердце воспитанника в окружении других. Ты мог испытывать безусловную любовь к своему родителю, которого ни разу не видел, ты мог ждать его, надеяться на чудо, – но делать это ты должен был в строгом одиночестве, и если все-таки ты вытаскивал эти чувства наружу и они проскальзывали в руки других, то сразу же на какое-то время ты становился изгоем и предметом насмешек за свои «ванильные» переживания, на тебя, словно коршуны, налетали другие ребята, которые на самом деле где-то глубоко испытывали те же самые чувства, – они необоснованно стыдились их проявления, вытесняли их и почему-то решали, что их обязанность – пресечь подобное у другого ребенка, подавить его. В окружении все дети менялись – они становились черствее.

Я помню один вечер, когда мы с Мишей сидели на полу в кругу других ребят, в том числе и сильно старших нас, которым было по лет 14-15. Мы собирались так часто, и кто-то рассказывал смешные или страшные истории. Иногда старшие заставляли нас, младших, затыкать себе уши, ибо мы были еще слишком маленькие для некоторых разговоров. Я, как и велелось, вставлял пальцы в уши и все равно затем незаметно немного вытаскивал их, чтобы что-то расслышать. И вот этим вечером, когда прозвучало несколько историй от старших, я, один из самых младших в этом кругу, решил спросить у всех: «Ребят, а кто-нибудь знает о своих родителях?» Несколько ребят засмеялись, и одна из старших девочек с двумя косичками, сидящая напротив меня в нескольких метрах, сказала: «А зачем нам про это знать? То, что они бухали или наркоманили, и до нас им сейчас нет никакого дела? Малой, если бы им хоть капельку было на тебя не наплевать, ты бы уже давно грелся в своей теплой кровати». Снова

смех, но я нахожу лица тех, кто не смеется. И это безмолвная поддержка зарождает внутри меня какое-то стремление к противоречию, к борьбе, в которой, конечно, я буду здесь раздавлен. Я начал: «Но что, если с ними случились события, которые не оставили им выхода? Может, чьи-то и вовсе погибли, и поэтому кого-то из нас не забирают». «Друг мой, – начал один из старших парней, сидящий рядом с двухкосой – у него была кличка Шмель за растущие вверх волосы, – это случаи один на миллион, и не думай, что у тебя или у кого-то из нас такое произошло. Мы здесь никому не нужны, мы сами по себе. Привыкай, а то потом сложно по жизни будет. Я сейчас тебе это даже не со зла говорю». Я хотел было снова возразить, но не смог. Горло сжало, и мне хотелось плакать. Но я сдержался. Кто-то начал рассказывать следующую историю, а я, уйдя в себя, задавал себе один и тот же вопрос: «Неужели все это так?»

Мы шли с воспитательницей молча, я смотрел себе под ноги, слушая, как скрипит грязноватый снег, и уже смирился с тем, что я ничего так и не узнаю, как вдруг она спросила меня:

– Мы можем с тобой договориться? Ты же умеешь хранить секреты?

– Да, умею, – тут же с воодушевлением ответил я, чувствуя, что эти вопросы к чему-то ведут.

– Пообещай мне, что, если я скажу, как зовут твою маму, ты никому об этом не расскажешь? Хорошо?

– Да, хорошо, – подтвердил я.

– Я сейчас говорю на полном серьезе, ты понимаешь?

– Да, – кивал я.

– Если кто-то узнает об этом из воспитательниц или кто-то из твоих друзей, у меня будут большие проблемы. Никто не должен знать, что я тебе что-то говорила об этом.

– Я понял. Обещаю, что никому не расскажу.

– Ну хорошо. Завтра, когда будет обед, подойдешь ко мне.

Удивленный ее намерением помочь, я зашел с улицы в комнату к остальным и, казалось, владел величайшей тайной на свете, что вот-вот и она раскроется мне, а остальные даже не догадываются, что меня ждет.

На следующий день, когда был обед и она сидела, как обычно, в кресле за газетой вдали от всех, я, как мы и договаривались, подошел к ней. Она сложила газету и сразу сказала:

– Твою маму зовут Неля Л., фамилия, как и у тебя. Она родила тебя в пятнадцать лет и десять месяцев. Больше я ничего не знаю.

– Я понял. Я запомнил, спасибо большое.

Я отошел от нее, вернулся к столу и много раз стал проговаривать про себя: «Неля Л., пятнадцать, десять». А когда я вернулся к себе в комнату, вырвал из тетради клочок и написал на нем то же самое, боясь, что услышанное может вылететь из головы, а затем убрал его под матрац. Мне хотелось бежать, что-то сделать с этой информацией. До самого сна мое детское сознание было возбуждено и зывало меня к действию, будто я уже должен был начинать искать.

Я до сих пор не знаю, почему она согласилась рассказать мне о матери, этому ребенку, от которого можно было ждать все, что угодно, который ничем не отличался от остальных детей. Может, я был первый, кто за много лет ее работы спросил у нее об этом? Или напоследок ей выпала возможность помочь кому-то, и она решила уйти с чувством своей полезности? Как бы то ни было, в тот момент я был безумно рад, что узнал имя своей мамы, и встреча с ней стала для меня ближе, реальнее. Как и обещал, я не рассказывал о произошедшем никому, даже Мише. Воспитательницу же после этого дня я больше не видел – она, как и сказала мне, ушла от нас. А я так и остался в этих стенах с этими четырьмя словами от нее – Неля. Л. Пятнадцать. Десять.

4

Начался мой первый учебный год в университете. Я заселился в университетское общежитие в трехместную комнату, где стал жить с двумя парнями, такими же первокурсниками, с которыми быстро поладил (родители хотели снять мне квартиру, но я напрочь отказался; здесь же я платил совсем скромные деньги). Первый из них – Марк – был худощавый, светловолосый, нескладный; он приехал из какого-то небольшого поселения, говорил быстро, без говора и ходил «наскоком». Второй – Коля – был ниже нас на голову, вечно смеющийся, заводящий нас, с широченной улыбкой и прямыми, красивыми белыми зубами, которые, казалось, были искусственными. Когда все мы трое уже достаточно сблизились, то мы с Марком стали в шутку называть Колю «джокером»; Марк стал «попрыгунчиком», а я – «угольком» за свои единственные черные волосы в этом трио. Между нами почти никогда не было притеснений: все мы, попавшие в эту непривычную для нас среду, искали связей, за которые можно было бы цепляться, и поэтому, поняв, что в общем-то каждый из нас вроде бы ничего, мы с любовью приняли эту случайность, сведшую нас в этой комнате.

Учиться здесь мне нравилось. Я быстро сблизился с коллективом (в группе было 16 парней и 7 девушек), и в обучении не было ничего такого, из-за чего я бы противился ему – напротив, учебные дисциплины и атмосфера вызвали у меня приятные впечатления. Преподаватели казались мне незаурядными личностями, на голову выше моих школьных учителей в умении излагать и заинтересовывать, наконец мне не нужно было носить строгую форму, которую я всегда хотел снять, едва выходил за двери школы, а когда я передвигался по пустым широким коридорам корпусов и вглядывался в лестничные проемы, меня не покидало чувство, будто я хожу по маленькому храму. Я продолжил заниматься плаванием – записался в университетскую спортивную команду. Но как бы я ни отвлекался на новый коллектив, не погружался в учебу, в эту новую ступень моей жизни, я постоянно напоминал себе о своей вновь вспыхнувшей цели, словно упрямо камешком бросал в свое же окно.

Я знал о запрете на разглашение тайны об усыновлении ребенка и об уголовном преследовании лиц, нарушивших этот закон, поэтому обращаться в государственные структуры типа ЗАГСа, органов опеки и попечительства, где мне могли бы в теории дать хоть какие-то данные о биологической матери, я даже не пытался. К тому же я знал, что для предоставления какой-либо информации о моей матери мне необходимо было бы согласие моих родителей, а их уж точно ставить в известность о своих планах я не хотел.

Поэтому поиски я снова начал с интернета. На своем ноутбуке я посещал каждую ссылку, хоть как-то намекавшую на отношение к моей матери; я понимал, что если она вышла замуж и сменила фамилию, то мои шансы найти ее близки к нулю; и все же я заходил на форумы, прямо спрашивая про нее и прикидываясь ее одноклассником, искал ее в социальных сетях, просматривал заявки на сайтах по поиску родителей и детей, читал про различные методы поиска. Все это безрезультатно продолжалось весь второй месяц моего обучения – я не мог ухватить хотя бы частичку ее существования. А затем я перестал, просто прекратил пытаться. Я смирялся, говорил себе, что таинство ее жизни, возможно, идет мне во благо, и на какой-то период я перестал так часто думать о ней.

Устройство мира в это время будто стало меняться для меня. Среди этих новых людей я находил себя другим человеком, по сравнению с еще недавним временем, когда я заканчивал выпускные классы школы; я вдруг переставал стесняться самого себя: внешности, своих увлечений, – одним словом, я активно развивал в себе самооценку. Я стал понимать, что не нужно строить из себя того, кем я не являюсь; так хорошо известные мне слова «быть самим собой» заигрывали для меня по-новому: вот я слышал их на протяжении стольких лет, люди вокруг постоянно повторяли их, говорили, что это единственный путь к счастью, но только

сейчас я начинал понимать их истинность, – и заключалась она в том, что нужные люди, видя мое естество, мою неидеальность и вытекающую из этого живость, потянутся ко мне, и почти всегда я замечу в них то же самое и отвечу взаимностью.

В этот же период мой еще не совсем окрепший ум случайно зацепился за философию Камю и посчитал, что именно его идеи должны наполнять мою жизнь: я принимал ее абсурдность, не отказываясь от своих «выдуманных» смыслов, в том числе от потенциальной любви, способной убедить меня в своей значимости. В свободное время я, как и всегда, с жадностью читал художественную литературу, а вскоре и вовсе заинтересовался психологией. Все это спонтанное увлечение человеческой природой, слепо ведущее меня еще долгое время, было моей надеждой становления моего большого «я», что в конечном счете привело лишь к разочарованию.

Спустя два месяца после начала учебы, которая шла у меня на отлично, я решил подрабатывать в сети быстрого питания, чтобы скопить какие-то деньги и облегчить жизнь своих родителей. Я устроился поваром и среди таких же студентов, ищущих нетрудный заработок, проработал там вплоть до апреля первого курса.

Все мое отчуждение от мыслей о биологической матери успешно продолжалось довольно долго: около полугода, если я и вспоминал о ней, то быстро гасил эти мысли, говорил себе, что это пустая трата времени и сил. Я обманывал себя, что более эта тема не задевает, не волнует меня. Но она, конечно, еще была во мне жизнью, откликалась громким голосом и эхом взвешала о моей глубокой необходимости узнать о человеке, приведшем меня на свет.

Волей случая в один из мартовских дней, когда я ехал на такси с одноклассниками из одного учебного корпуса в другой, я услышал по радио поздравление сына к матери, которое озвучивал радиоведущий. Скорее всего, этот текст был неправдив, был написан одним из авторов программы, может быть, и самим ведущим, но слова эти сразу же напомнили мне о ней и так сильно подействовали на меня, всадились в мою голову, что, вернувшись под конец дня домой, в общежитие, я решил поискать ее перед сном. В социальных сетях вновь я стал перебирать людей с теми же именем, фамилией и возрастом, как у моей биологической матери, заходил к ним на странички и просматривал информацию в надежде зацепиться хоть за что-нибудь. Все шло безуспешно, пока спустя пару часов в одной из сетей я не наткнулся на женщину, страницу которой я прежде точно не видел. Страница была создана три месяца назад. В строке «возраст» было указано «тридцать четыре» – как раз тот возраст, который должен был быть тогда у моей матери. У нее было немного друзей, стоял город В., и в начале двадцати с лишним загруженных фотографий я нашел фото с площади моего города. На нем она в подростковом возрасте, по-видимому, со своей подругой, под фотографией – подпись: «время летит». Кровь сразу ударила в голову, и я стал листать фотографии дальше. Я был уверен, что это именно она, сразу заметил схожесть между нами – так сильно я хотел испытать чувство, что я продолжение этой женщины. Во мне пронеслась мысль о том, что, может, она хотела, чтобы по этой странице, по этой фотографии, по тому, что она не изменила фамилию, я нашел ее, понял, что это она? Это была стройная симпатичная девушка с каре темно-коричневых волос без челки. У нее была широкая улыбка с видимой ямочкой между верхней губой и аккуратным полноватым носиком. Родинка на щеке. Выразительные карие глаза с длинными прямыми бровями, плавно загибающимися у концов. Она выглядела моложе своих лет и излучала легкий, по-детски приятный вид. На фотографиях она была на отдыхе где-то на море, с подругами в кафе, одна фотография была с уличного катка: белые коньки, черная дутая короткая куртка – она стояла у бортика, улыбаясь и слегка сгибая ногу на весу. На нескольких фотографиях была девушка-подросток, как я узнаю позже, – ее дочь.

Все говорило мне о том, что это именно она: имя, возраст, фото в моем городе, общие со мной черты. Точного адреса о месте ее жительства на странице нигде не было, и я зашел для его поиска на страницу к ее друзьям – тоже ничего. Затем я зашел в ее группы и стал перебирать

их. Одной из групп была страничка цветочного магазина. Там на общих фотографиях была она – так я узнал место ее работы.

Я стал изучать жизнь этого человека – вот так, по страничке в социальной сети. Друзья, группы, музыка, видео, запечатленная на фотографиях жизнь. Мысль о том, что я нашел свою родную мать, переполняла меня: казалось, она была уже передо мной, мне достаточно было подойти чуть ближе и протянуть к ней руки. Конечно, спустя какое-то время, когда мое возбуждение улеглось, я еще допускал очень малую вероятность, что это не она, что это просто невероятный каскад совпадений или что воспитательница перепутала что-либо, когда рассказывала мне о матери, но по-прежнему я думал о том, что мне обязательно нужно ехать к этой женщине, заявить о себе. И даже если выяснится, что она не тот человек, за которого я ее принял, то я хотя бы узнаю об этом, а не останусь жить с чувством того, что «даже не попытался». Я решил ехать к ней на майских каникулах.

Наверное, не было и дня, чтобы я не думал о ней после ее нахождения, чтобы не представлял, как пройдет наша первая встреча, ее реакцию. Я думал, с чего начать, как завести с ней разговор, как сделать так, чтобы она узнала о моем существовании. Мои прошлые фантазии на этот счет, идущие с самого детства, теперь становились серьезными, потенциально реальными: я не просто проигрывал наше общение для получения приятных чувств или ухода от реальности – я выстраивал план своих действий, который хотел осуществить в ближайшее время.

Недели за учебой и работой пролетели: заканчивался апрель. Мое желание поехать к предполагаемой родной матери все так же было живо, и за несколько дней до майских каникул я купил билет до ее города. Долгое время до этого я метался между двумя путями: я хотел написать ей заранее, до приезда в ее город, предупредить о себе, а затем думал о том, чтобы поговорить с ней сразу вживую. Я менял решение много раз и все же вскоре сделал выбор в пользу второго – я решил, что личная встреча будет лучшим способом для нашего первого контакта.

5

Я приехал в ее город поздно вечером 28 апреля 2010-го. С автовокзала я сел на автобус и поехал в хостел, который посмотрел заранее. Я заплатил за три дня, и, получив два ключа, по указанию молодой девушки, стоявшей за стойкой ресепшена, поднялся по крутой лестнице на второй этаж. Когда я отворил дверь и зашел в свою комнату, в ней был только один человек – светловолосый парень моего возраста. Он сидел, согнувшись, на первом ярусе двухэтажной металлической кровати слева от входа: свободная белая майка, серые брюки, серебряная цепочка на шее; рядом с его кроватью на тумбе стоял светильник, освещающий холодным. В руках у него были вывернутые наизнанку брюки: он что-то шил. Увидев меня, он дружелюбно привстал, мы поздоровались и назвали свои имена. Справа от входа стояла такая же двухэтажная металлическая кровать, сверху и снизу занятая чьими-то вещами. Между кроватями было широкое окно в деревянной белой раме с открытой форточкой, из которой доносился слабый гул улицы и сплит-систем. Я выложил из рюкзака одежду, предметы гигиены и книгу на зеленое одеяло своего второго яруса над парнем, а затем убрал все вещи в одну из двух тумбочек у нашей кровати и закрыл ее на ключ.

– Надолго в город? – спросил он, когда я выпрямился от тумбочки.

– На пару дней, – отвечал я, – нужно встретиться с родственницей. Давно не виделись.

– Понятно. А я вот студент, первый год. Жду с другом, пока освободится квартира моих родителей в конце мая, чтобы заехать. Они ее пока сдают.

– Куда поступил? – спросил я.

– В архитектурный.

– Это серьезный выбор. Получается, ты здешний?

– Нет, я живу в Н., шестьсот километров отсюда. Здесь просто квартира родителей. Раньше была их рабочей, а сейчас сдают.

– А почему так рано приехал?

– Решил поработать здесь, адаптироваться.

– А, понял.

Мы перекинулись еще парой слов, и я пошел на кухню перекусить. Поздоровавшись на просторной старенькой кухне с очередными соседями из других комнат, я разогрел в микроволновке взятые с собой бутерброды и после еды уставший лег спать.

Утром следующего дня мои разомкнувшиеся глаза увидели чью-то полную, обтянутую темно-синим одеялом спину на втором ярусе соседней кровати. Я осознал, где я, и, узнав время на телефоне, спустился со своей кровати и прошел в уборную на этом же этаже. Вернувшись в комнату, я взял вещи из тумбочки, переделся и вышел в магазин за продуктами. На улице было свежо и воздух казался необыкновенно чистым, разряженным, как после дождя.

Смена Нели заканчивалась в восемь вечера, поэтому после завтрака мне нужно было чем-нибудь занять себя до самого вечера – как и хотел, я решил ехать к ее работе и поговорить с ней вживую, рассказать, как я нашел ее в социальной сети, как узнал, где она работает. Я нашел парк совсем поблизости с хостелом и надолго осел там за чтением своей единственной толстенькой книги, взятой с собой в город. Когда я сидел за чтением уже порядка получаса, я услышал: «О, Влад, привет». Я поднял голову и увидел возле себя светловолосого соседа по комнате. Он был в сером спортивном костюме, и после моего приветствия спросил: «Тоже ранняя птичка?»

– Ну да, – улыбнувшись, подтвердил я.

– А я вот решил побегать, немного подсушиться. Хочешь, присоединяйся.

– Пока не хочу, но с кандидатов меня не убирай

– Договорились, – ответил он, и между нами возникла неловкая пауза. – Ладно, побежал я дальше.

– Да, давай, – с радостью подхватил я. – Легкой дороги.

Это приветствие было раздражающей помехой для моего настроения. За чтением я будто концентрировался, готовил себя к тем мыслям о матери, к которым собирался вернуться сразу после сотен страниц. Но после того, как я проводил его, убегающего, взглядом и снова уткнулся в книгу, слова стали бессвязными и предложения перестали осмысляться. Лишь через долгие минуты, отбросив произошедшее, вновь я погрузился в текст.

После парка я гулял с наушниками по городу: белые кирпичные девятиэтажки, серые панельки, частные двухэтажные домики с высокими заборами, сетевые магазины, аллейки – и все думал о Неле, сосредоточенно прокручивал порядок своих предстоящих действий, будто прогоняя заученное на последней репетиции перед важным выступлением. И чем ближе оно подходило, тем волнительнее мне становилось.

Наконец к восьми вечера автобусом я доехал до ближайшей к ее работе остановке и, немного пройдя от нее и завернув на другую улицу, остановился у зоомагазина, откуда был виден вход того самого цветочного, где она работала. Утренняя холодность сменилась теплым, почти что летним вечером. Рядом со мной потоком, четко разделенным на две части «назад-вперед», шли люди, а еще чуть дальше, по проезжей части, медленно тянулись машины – место было центром города. Через минут пятнадцать моего ожидания я увидел, что из цветочного вышла молодая девушка в черном классическом костюме. За ней вышла Неля. Лицо, которое я всегда так жаждал увидеть вживую, и вот оно передо мной, пусть и отдаленно, но я вижу его впервые. Они перекинулись парой слов, и Неля закрыла дверь магазина на ключ. Худенькая, среднего роста, каре без челки – она была как на последних фотографиях ее странички.

Спустившись по ступеням, они попрощались, и ее коллега пошла на меня, а Неля – в противоположную сторону. Я прошел мимо ее коллеги и последовал за Нелей, держа между нами расстояние в метров десять. Идущие по форме бедер черные легкие брюки, светло-серая обтягивающая кофточка, заправленная в брюки, черная сумка на правом плече. Бежевая обувь на невысокой платформе. Тоненький серебряный браслет на правом запястье. Я рассматривал ее со спины, и все мысли о том, чтобы я подошел к ней и обратился, стали пугающими, нереальными и очень скоро вылетели из моей головы куда-то в пропасть моего сознания, я не мог их выловить, подпустить к себе снова. Мы шли совсем недолго, пока она не остановилась у остановки – пластмассовая красная коробка, наклеенные объявления, столб с табличкой расписания общественного транспорта. Почти сразу подошел ее троллейбус. Увидев, что она заходит через средние двери, я двинулся за ней и зашел в салон через задние. Внутри было забито. Я прошел от дверей немного вперед и остался стоять, держась за вертикальный поручень. Неля стояла в середине салона и держалась левой рукой за верхний поручень. Ее лицо оказалось ко мне боком, и в видимой щелке между облепившими ее людьми я видел ее немного вздернутый носик, тонкие губы. Темно-коричневые волосы, которые казались густыми, мягкими. Плавно загибающиеся длинные брови. Сейчас, когда я рассматривал ее вживую, ее внешность казалась мне иной, истинной, настоящей. Словно оживший персонаж из мультфильма, ее нахождение рядом казалось мне чем-то сказочным, волшебным.

Где-то через двадцать минут дороги она начала идти к передним дверям. Я двинулся за ней. Расплатившись и выйдя вслед за ней, я пошел с ней вниз по улице мимо ряда магазинов, и вскоре она завернула под арку длинной девятиэтажки, изогнутой тупым углом. Она вошла во двор и пошла вдоль дома по тротуару. Вокруг играло много детей – смех, крики, повсюду палисадники с яркими цветами, шланги с льющейся водой. Наконец Неля дошла до конца дома и завернула за него. Я продолжал бездумно следовать за ней, и, когда я подошел к концу дома, откуда она пропала из моего вида, то увидел, что она идет к пятиэтажному панельному дому. Я остался стоять на месте. У первого подъезда она поднялась по ступеням и вынула ключи из сумочки.

После того как она зашла в подъезд, я вернулся той же дорогой на остановку и будто оглушенный поехал автобусом к хостелу. Никакого желания заходить в тесную комнату не было – по прибытии на свою улицу я прошел в небольшой сквер недалеко от хостела и сел на лавочку у памятника какому-то музыканту: я понял это по его скрипке в руках. Мне хотелось расставить в своей голове все по местам, понять, что только что произошло. Мой план о том, чтобы подойти к ней, стал казаться слишком идеализированным, неправильным. Я стал спрашивать себя: а нужно ли мне вообще с ней разговаривать или меня хватит лишь на то, чтобы единственный раз увидеть ее вживую? Я безумно хотел заговорить с ней, пообщаться, но в то же время я стал бояться, что ворвусь в ее жизнь, где мне не место. Я представлял, как в этом доме в одной из квартир ее ждет семья, а тут появляюсь я – тот, кого она не искала или не смогла найти. Я подумал о том, что она человек со своей жизнью, который, может, не желает, чтобы ее целостность нарушали. И что если и вовсе случится так, что это она ворвется в мою жизнь, родители узнают, что я поехал к ней, искал? Эти мысли тяжелым ударом будто возвращали меня из того выдуманного мною сценария, где я нахожу биологическую мать и между нами завязывается прекрасная дружба, к реальности, где возможны ее отказ, отвержение, появление проблем, в которых буду виноват только я, ведь это я потревожил то, что было неизменно столько лет. Моя еще недавняя смелость все сильнее затмевалась бесконечными сомнениями.

Я долго просидел в этих размышлениях, и все же, когда возбуждение мое порядком спало, моя скованность стала разрушаться. Я обрушивал на нее воспоминания, где я пребывал в фантазиях о матери, где мечтал поговорить с ней, услышать ее голос. Я видел того одинокого, неполноценного ребенка, и тогда я вновь оправдывал свой приезд, делал его важным для своей жизни и говорил себе, что мне необходимо встретиться с ней.

Вернулся я в хостел уже в позднее время. В комнате было двое: лежащий на кровати парень, с которым я познакомился еще вчера, и мужчина средних лет с журналом в руках на втором ярусе соседней кровати – тот, видимо, чью спину я видел утром. Я познакомился с ним тоже. К полуночи я пришел на кухню, где долго один просидел за столом среди тусклого света лампочки, доживающей свои последние дни, а, возможно, часы. В этой блеклости среди зеленоватых стен, тиканья часов позади себя, потертой скатерти и моей недоеденной еды я думал о том, как мне поступить дальше, и почему-то все дальше бежал к прошлому, закрывая для себя то настоящее, которое заставляет меня переживать. Я вспомнил, как совсем недавно на соревновании по плаванию – я плыл брассом – ко мне в зрители пришла моя одноклассница, как мне было от этого приятно и как мы пошли потом прогуляться после заплыва; я вспомнил, как год назад я впервые поехал на автобусе один до другого города, чтобы помочь своей тете с переездом, и как свободно мне было от того, что я отдаляюсь от тех, кто мне дорог; я вспомнил как после восьмого класса я поехал отдыхать с родителями на море, как мы гуляли по берегу, как ели вкусную еду; затем я вспомнил, как в 14 лет поехал первый раз к Мише после того, как меня забрали из детского дома, и в этом воспоминании я пробыл значительно дольше, чем в остальных.

К моменту моего приезда к Мише прошло уже пять лет, как меня забрали родители. Все это время я часто думал, как сложилась жизнь тех, кого я знал. Работает ли еще та последняя воспитательница из списка тех, кто мне нравился, такие же у нее белые, объёмные волосы? Забрали ли Марину, красивую девочку, которая занималась гимнастикой и с которой часто разговаривали приходившие пары? Перестал ли хромать Коля? Похудел ли Олег, который быстро краснел при беге и которого старшие называли «мешок»? Но больше всего меня, конечно, интересовал Миша – тот, с кем я был ближе всего. Все эти жизни когда-то были близки ко мне – их жизни были моей жизнью: каждодневные разговоры, шутки, споры, игры, медосмотры, общий завтрак, обед, ужин. Но так вышло, что меня забрали, оставили эту часть меня в закрытом здании, и со странным чувством, вбирающим в себя сожаление за оставшихся и радость за себя, за свое освобождение, я, бывало, спрашивал куда-то в пустоту: «Интересно, как они сейчас?»

И вот настало время, когда интерес мой стал брать надо мной верх, и я решил навестить Мишу, поговорить с ним, узнать обо всем из его уст. Ехать в детский дом, конечно, я не хотел: было в этой мысли что-то пугающее, то, что угрожало постоянству моей жизни, будто, когда я пройду мимо калитки металлического забора, покрашенного в зеленый, направлюсь по прямой асфальтированной дорожке к белой пластиковой двери, толкну ее и пересеку порог, то снова я стану членом этой семьи, этого здания, меня отберут у родителей. Тем более, я не хотел, чтобы о моей поездке, об этом возникшем желании знали сами родители, так как думал, что они расценят эту выходку как показатель моего недовольства жизнью с ними, неблагодарность за все эти годы.

До того, как меня забрали, нас с Мишей водили в одну школу, но он был в старшем на год классе. Я надеялся, что по-прежнему он учится там же, и в один из будних дней, пропуская какой-то незначительный предмет, я поехал автобусом в «новую» часть города, ничего об этом не сказав родителям.

Я приехал к своей трехэтажной школе, как и прежде, выкрашенной в сине-белый, зашел внутрь и мимо сидящего охранника с залысиной прошел в столовую, надеясь найти кого-то, кто мог бы знать Мишу или даже позвать его. В столовой сидело только три парня, точно старше меня на пару лет и, видимо, у которых не было занятий. Я подошел к ним.

– Привет, – обратился я, – я ищу Ермолаева Мишу, он должен учиться в девятом. Вы случайно не знаете его?

– О, знаем такого, – начал один из них, короткостриженный, с крупной родинкой над бровью, – баскетболом занимается. Но мы с десятого. Сейчас будет большая перемена через

двадцать минут, может, увидишь его или одноклассников найдешь, мы здесь будем, подсказем, если что.

– Хорошо, спасибо.

– А вообще, можешь пройти к нему в кабинет, – заговорил второй с зачесанными назад рыжими волосами, – посмотри по расписанию на окне, он в «В».

– Да нет, – ответил я, – я его здесь подожду. Спасибо.

Спустя минут двадцать прозвенел звонок, и через две двери столовой к столам с выпечкой поплыла толпа. Я сидел у самого входа в столовую и выглядывал среди проходящих Мишу. Но, когда заходить перестали, никого похожего я так и не заметил. Вскоре я увидел, что тот, кто был с родинкой над бровью, встал и направился к дальнему столу, где сидело двое парней. Он что-то сказал им и показал в мою сторону, а затем подошел ко мне и сказал, что те двое могут дать мне Мишин номер. Я подошел, поздоровался и мне продиктовали его номер.

Я вышел на улицу, чтобы было нормально слышно, и позвонил. После гудков в каком-то шуме послышалось «да», и я спросил: «Миша?»

– Да, – ответил он. – Кто это?

– Это я, Влад. Был с тобой в детском доме, меня потом забрали в девять лет. Черные волосы.

– Влад? – с удивлением переспросил он. – Емаё, конечно, помню! Откуда у тебя мой номер?

– Вообще, я взял его пару минут назад у парней с твоей параллели и сейчас стою у школы.

– О черт, сейчас спущусь, жди меня, я на третьем этаже.

– Давай, жду.

Очень скоро он вышел. Высокий, такие же блондиновые перьевые волосы. Белая рубашка с длинным рукавом не заправлена и неряшливо болтается у бедер, через плечо школьная сумка. Когда он увидел меня, на лице его растеклась несимметричная улыбка. Он спустился по ступеням, и крепко, по-дружески мы обнялись. От его острых костей мне стало по-особому приятно, будто я вернулся к чему-то давнему, близкому. Наконец мы разомкнулись, и он сказал:

– Блин, не ожидал тебя увидеть. Ты как вообще?

– Все нормально, учусь сейчас в десятой школе.

– Ого. По-прежнему с той семьей?

– Да, по-прежнему с ними. Вот часто думал о тебе и решил наконец навестить.

– И правильно сделал. Тоже частенько думал, как ты там с этими двоими. Надеюсь, они славные?

– Да, они очень хорошие.

– Это самое главное. А то я все опасался, не продадут ли тебя в рабство или не ставят ли на тебе какие-нибудь эксперименты.

– К счастью, я вел себя хорошо и до этого не дошло.

– Юморишь, как и раньше. Отлично сохранился.

– Да, без этого никак, – ответил я с улыбкой, не зная, что еще сказать.

Несмотря на то, что с Мишей мы были одними из самых тихих мальчиков в детском доме (по этому принципу мы, впрочем, и сблизились), бывало, нас так сильно смешили незначительные вещи, что мы, забываясь подальше от взглядов других, до боли негромко смеялись, вдавливая смех в себя и стараясь так не выдавать нашу неожиданно нашедшую эйфорию. Нас веселила не столько ситуация, сколько понимание, что именно мы вдвоем увидели комичную деталь, что именно мы вдвоем знаем о ней.

– Ну, а ты как? – спросил наконец я. – Как жизнь?

– Я нормально, как можешь заметить по моей школьной одежде, все еще живу в детском доме.

- Да ладно, нормально ты одет.
- Да я прикалываюсь. Этими брючками я подцепил не одну девчонку.
- И что, ни одна не смогла убежать?

Мы заготовали.

– Да что, нормально я в целом, не жалуюсь, – сказал Миша, когда мы успокоились. – Когда ты ушел, первое время, признаюсь, мне было так себе. Тем более ты не приходил. Ужасный ты человек. Хотя я тебя понимаю, кто захочет возвращаться туда.

- Да... так получилось, – стыдливо отвечал я.
- Ну, я очень рад, что сейчас ты здесь, не забыл, кто я.
- Да, я тоже рад тебя увидеть. Забудешь такого.

– А так, знаешь, после тебя мало что изменилось. Только люди туда-сюда приходят. Было вообще года два, когда воспитатели каким-то потоком менялись, одна за другой. А, ну из нового: нам сделали элитный ремонт, весь коридор переделали, там все теперь в белом, как в раю, ну или в психбольнице, кому что ближе. А, еще кровати новые ввезли где-то год назад. Реально новые. Даже не с мусорки.

Слова его меня снова рассмешили, и я резко выпустил воздух носом, чуть не подавившись.

- А как наши, Марина, Олег, Эмир? – спросил я.
- О... – издал он поникшим тоном. – Олег умер года три назад.
- Что? Из-за чего? – спросил я ошарашенно, думая, что это одна из его шуток, но говорил он дальше на полном серьезе.

– Задохнулся во сне. Утром поднялся шум, он лежал головой на бок, вся подушка в слюне. Такое себе было зрелище.

– Какой ужас... И никто не подумал, что его...

– Убили? Да нет. К нам приезжали следователи, опрашивали нас, тем более он никому дорогу не переходил, над ним подшучивали, но не более. У него просто были проблемы с дыханием. Он то хрипел, потом переставал, когда ему давали таблетки, а затем все по новой. Потом какую-то хрень себе пшикал.

– Понятно.

– Так, только давай ты не будешь делать такое лицо и грустить в нашу встречу. Я понимаю, жалко, но что поделать.

Я смирительно кивнул.

– Так, – протянул он, – что касается других. Марину забрали спустя, наверное, год как ты ушел. Точнее, через год, как тебя забрали. Ее, кстати, печатали в газетах, она даже занимала призовые места на областных соревнованиях по своей этой гимнастике. Вообще красотка стала. А Эмир, ну тут нетрудно догадаться, торчит все еще с нами, ходит на каратэ, думает, что он уже великий боец: вечно сосредоточенный, готовый к нападению с окон и потолка. Если бы его забрали тоже, клянусь, я бы вообще в жизни ничему больше не удивлялся. Этот дурачок недавно подцепил ветрянку и его положили в больницу...

Миша решил опоздать на следующий урок, и мы еще долго рассказывали друг другу что-то из своих жизней – ушедших далеко от чего-то общего, но стремительно к нему возвращающихся. В конце разговора мы условились, что увидимся через пару дней здесь же, у школы, а затем попрощались. После этой встречи Миша снова вошел в мою жизнь, мы возобновили наше когда-то прерванное тесное общение. Мы стали приезжать друг к другу, гулять после школы, болтать по телефону. Он много курил, жаловался мне о тупости окружающих, но, как я его и запомнил, оставался добрым и веселым парнем, а его острый, живой ум готов был подхватить любое мое размышление. Я был безумно рад вернуть эту частицу своей прошлой жизни и, наверное, это было единственное, что я действительно хотел вернуть из того времени.

6

На удивление, вторую ночь в хостеле я проспал крепко: мне снилось, как в растерянности я стоял посреди огромного стадиона, где зрители подпрыгивали и кричали, а затем справа, прямо перед собой, я увидел линию стоящих мужчин, одетых в шорты и футболку; через пару мгновений я услышал постепенно усиливающийся гул сзади и, обернувшись, увидел бегущих мужчин с палочкой в руке; я понял, что я на эстафете, приготовился, и после того, как мужчина с моей дорожки, вышедший вперед остальных, передал мне палочку, я побежал.

Проснувшись утром и не желая слышать спящих, я взял из слегка скрипнувшей тумбочки кофту на замке и вышел на потеплевшую по сравнению со вчерашним утром улицу. Бесцельно бродя по тротуару, тянущемуся вдоль дороги с редко проезжающими машинами, я почувствовал, как сосет желудок, и решил позавтракать. Я нашел какую-то пекарню, взял выпечку. После перекуса я направился к парку рядом с хостелом, чтобы, как и вчера, осесть там на пару часов и как следует подумать. Я хотел окончательно подтвердить свое решение, которое я принял ночью на кухне, – я решил ехать к Неле снова.

Я провел время до обеда в парке, затем вернулся в номер и уснул. Ближе к вечеру вновь я вышел на улицу, прогулялся по каким-то улочкам и поехал к ее работе. Она вышла значительно позже восьми. Та же сцена: прощание у дверей, я пересекаюсь с ее коллегой и следую за ней. В этот раз на Неле были коричневые узкие брюки, голубая свободная кофточка и те же обувь и сумка, что и вчера. Браслета на запястье не было. Волосы были собраны в низкий хвост. Она подошла к остановке, а я встал сбоку так, чтобы я не был виден ей за пластиковой коробкой. Вскоре подошел троллейбус. Она села спереди. Всю поездку мне виднелся лишь ее затылок – я стоял в середине салона. Я был твердо уверен, что исполню то, что задумывал, то, чего не смог сделать вчера. Я говорил себе, что эта захватившая меня неуверенность была ошибкой сознания, собственной ложью, в которую я поверил. Но, когда я вышел за Нелей из троллейбуса и пошел за ней тем же путем, что и вчера, я был в смятении: мне хотелось подойти к ней, и в то же время меня снова удерживал страх, что-то тянуло меня назад, отталкивало. Я начинал делить мысли с кем-то вторым, он не давал мне приблизиться к ней. Я не мог уловить подходящего момента, когда я должен был бы ускориться, чтобы догнать ее, обратиться к ней. Вновь я стал сомневаться, говорить себе, что я ей не нужен, что мое появление в ее жизни несколько не обрадует ее. Я сдавливался изнутри, сворачивался. Снова я дошел до конца девятиэтажки и проводил ее до дома взглядом. Снова я отпустил ее.

Я злился на самого себя, что не могу заговорить с человеком, которого ждал столько лет. Я чувствовал себя жалким, не способным на сильный шаг человеком. Беспомощным ребенком. Находясь в сквере часом позже, я хотел написать ей, покончить с этим мучающим меня состоянием. Я несколько раз открывал пустую страницу нашего диалога в социальной сети, печатал текст, но затем выходил, так ничего и не отправляя. Я говорил себе, что вновь избегаю трудностей – хочу просто написать ей вместо того, чтобы увидеться вживую. Но затем я переубеждал себя, приходил к тому, что письменная форма действительно будет тактичнее, не такой резкой по отношению к ней.

Так ничего и не отправив ей, я вернулся в душную комнату и с открытыми глазами в темноте под звуки сопящих, кондиционеров и стучающих капель за окном не мог заснуть до глубокой ночи. Я не знал, как мне поступить. Мои представления о том, что мы поговорим друг с другом, расскажем о наших жизнях, стали окончательно несостоятельными, обреченными на свое существование лишь в моей голове. Неопределенность давила на меня, я был измученным существом, метаемым в закрытом пространстве из угла в угол. Уже не выдерживая своего состояния, я спустился с кровати и прошел в ванную. Я умылся холодной водой и, посмотрев на свое уставшее, изнуренное лицо, понял, как извел себя за эти дни, поэтому решил попытаться

отстраниться от тревожных мыслей, успокоиться и с новыми силами и свежей головой решить все завтра.

7

На следующий день с самого утра я писал и стирал сообщение несколько раз. Слова казались мне неправильными, резкими, отталкивающими. Казалось, от того, как этот человек воспримет меня, зависело качество всей моей будущей жизни. Я будто писал итоговый экзамен, был на соревновании, к которому шел всю жизнь, трудился долгие годы – я боялся допустить малейшую ошибку, боялся того состояния, в котором мне пришлось бы жалеть. Передо мной было два исхода, две крайности: ее принятие со всеми почестями в виде общения, раскрытия тайны или горькое отторжение, провозглашающее меня человеком недостойным и ненужным. Вновь я думал о том, что, может, будет лучше, если я подойду к ней вживую. Моя утренняя уверенность в том, что я напишу ей, перешла в невыносимое метание. Я вернулся к своему ночному состоянию.

Без решения я протянул до самого вечера, и только когда время стало подходить к окончанию смены Нели, я все же решил написать ей, но перед этим – снова увидеть ее. Я до сих пор не знаю, зачем я поехал. Наверное, подсознательно я был уверен, что она отречется от меня, от моего сообщения, в котором я предложу ей встречу, и поэтому хотел посмотреть на нее, идущую по улице, последний раз. Я не знал, будет ли она третий день подряд на работе, но когда время перешло немного за восемь, она все-таки вышла из магазина. Как и в прошлые дни, я пошел за ней на остановку – черные брюки, лиловая кофточка с накидкой, волосы распущены, – но в этот раз она пропустила подъехавший троллейбус с номером 16, в который мы садились прошлые разы. Вместо него она зашла в какую-то маршрутку, номер которой я даже не увидел. Я зашел за ней. Она села сзади, я – спереди. Вскоре после того как маршрутка сделала пару поворотов, она подошла к выходу, попросив водителя остановить на следующей остановке; я встал за ней. Она вышла и, пройдя через пешеходный переход четырехполосной дороги, прошла вдоль невзрачных магазинчиков и зашла в помещение с вывеской из английского длинного слова и подписью «бар». Я зашел немного погодя и, медленно передвигаясь в начале зала, увидел ее в самом конце. Я сел в трех столах от нее, которые были заняты людьми. Играла размеренная инструментальная музыка. К ней подошел официант, молодой парень с черным фартуком до колен, и она сделала заказ. Затем парень подошел ко мне, и я заказал только салат. Все время до приноса еды она сидела за телефоном: я старался не смотреть на нее в упор, но все же с частой периодичностью бросал на нее взгляд. Вскоре принесли мой салат, который я сразу оплатил, а еще чуть позже – ее закуски. После того как на ее столе появилась еда, она встала, подошла к стойке, и бармен налил ей бокал алкоголя красного цвета, и она вернулась за столик. Закончив с закусками и первым бокалом, она подошла к стойке снова и взяла еще один наполненный бокал. В это время официант поставил ей мясное блюдо. Когда она наполовину опустошила второй бокал за столом, я увидел, как лицо ее сморщилось, и она приложила ладонь к груди. Немного так посидев, она снова принялась за еду. Не знаю, что на меня нашло – внезапная злость на самого себя, смелость, усталость от происходящего, – но вскоре я встал из-за стола и направился к ней. Я посчитал, что это удобный случай: сейчас или никогда. У меня даже и мысли не пронеслось о том, как будет выглядеть сейчас мое признание: теперь к тому, что я нашел ее в социальной сети и узнал место ее работы, шло то, что я проследил за ней и приехал в это место вместе с ней.

– Привет. Можно присесть? – спросил я, подходя к столику.

Она подняла голову и растерянно посмотрела на меня, видимо, не ожидая, что к ней может подойти кто-то, кроме официанта, а затем спокойно ответила:

– Привет, да, можно.

Я сел напротив, обе руки положив на стол.

– Почему одна? – спросил я и заметил, что у ее губ немного испачкано пудрой, видимо, от какого-то сладкого.

– Только с работы. Решила вот отдохнуть.

– И как, выходит?

– Вроде да.

– Это хорошо, – сказал я и после небольшой паузы: – Чем занимаешься?

– Конкретно сейчас пью. – И она показала мне мягкую улыбку, на которую я ответил тем же.

– А если в общем?

– Работаю флористом.

– Нравится?

– Ну, не жалуюсь, уже привыкла. Подрезать, сделать букеты – одно и то же. Время быстро пролетает. А ты?

– А я студент. Учусь на агрохимика.

– Ого. И кем же сможешь работать, когда закончишь?

– Вообще планирую в какую-нибудь лабораторию, анализ почвы проводить и прочие скучные вещи.

– Звучит интересно. И как же зовут будущего агрохимика?

– Влад. А тебя?

– Я Неля. Приятно.

– Взаимно, – ответил я.

Тут она приложила руку к груди, изменилась в лице и посмотрела куда-то вниз.

– Извини... я сейчас, – сказала она и встала из-за стола.

– Все хорошо? – насторожившись, спросил я.

– Да, все нормально.

Она отошла в уборную на минут пять, которые длились для меня вечность. Состояние мое было каким-то поверхностным, будто я не до конца понимал, что веду непринужденный разговор с той, которая занимала мои мысли все эти годы. Я был механизмом, стремящимся каждую секунду к одной и той же цели: когда она вернется, я должен подвести все к тому, о чем хотел рассказать ей.

Но когда она подошла обратно к столику, то сказала: «Слушай, извини, мне что-то не очень, я сейчас поеду домой. Давай я оставлю тебе номер телефона, и мы увидимся как-нибудь в другой раз...».

Сначала я подумал, что это ход, чтобы избежать дальнейшего общения со мной, но затем, увидев, что вид ее поменялся не в лучшую сторону – она побледнела, – я понял, что ей действительно плохо.

– Хорошо, – ответил я, встревожившись, и растерянно достал свой телефон; она продиктовала номер.

– Давай тогда я хотя бы провожу тебя до такси, хорошо?

– Ладно, – ответила она, не упираясь.

Она рассчиталась, мы вышли на улицу, и она вызвала такси.

– Как сейчас себя чувствуешь? – спросил я.

– Не знаю, мне что-то резко стало душно и тошнит сейчас.

– У тебя бывало такое раньше?

– Нет. Я просто выпила два бокала вина.

– Хорошо, не переживай, сейчас доедешь до дома. Тебя есть кому встретить?

– Наверное, нет. Со мной живет дочь, но она не в городе. А подруга далеко живет и сейчас работает.

– Я провожу тебя тогда, на всякий случай.

– Это необязательно, я доеду.

– Мне несложно, а то мало ли.

– Ладно, – ответила она, давая понять мне, что сама насторожена своим состоянием и боится оставаться одна. – Спасибо.

Подъехало такси. Мы сели на задние места, и она назвала адрес. Мы ехали молча, и только я пару раз нарушал тишину, спрашивая ее, как она себя чувствует. Она отвечала, что состояние ее в норме, но все же вскоре она сказала: «Остановите, пожалуйста, меня тошнит». Водитель проехал еще немного, остановился на обочине, и она приоткрыла дверь, наклонившись на улицу. Она зависла в таком положении на секунд десять и, так и не вырвав, вновь села в салон и захлопнула дверь.

– Вроде полегче.

Водитель достал из бардачка белый пакет и протянул ей.

– Вот. Если повторится.

Она положила пакет между ног, достала из сумочки телефон и стала кому-то писать.

Очень скоро мы доехали до ее подъезда – больше у нее не было позывов к рвоте. Неля убрала телефон в карман брюк. Я рассчитался с водителем и помог ей выйти из машины. Шаг ее был тяжелый, я был справа от нее, поддерживая ее за правую руку и талию.

– На каком ты этаже?

– На втором.

– Лифта нет?

– Нет.

Мы прошли к подъезду, я взял у нее сумочку и повесил на свое плечо, и с трудом мы поднялись на ее этаж. Когда мы оказались у двери, она сказала: «Так, сейчас, ключи». Я приотпустил ее руку и протянул ей сумочку, не снимая со своего плеча.

– Слушай, тебе лучше все-таки позвать подругу, – сказал я, когда она достала ключи из заднего кармашка сумки. – Или, может, вызовем скорую?

– Да, я уже написала ей, она сейчас приедет с мужем. Скорую не надо, все нормально.

Она открыла дверь, и мы зашли. На пороге, где некуда было присесть, она стала пытаться снять кроссовку с одной ноги, придерживая ее пятку другой кроссовкой. Увидев, что у нее не выходит, я снял со своего плеча сумку, положил ее на пол и, сказав «подожди», присел на корточки и стал расшнуровывать ее кроссовки. Она стала говорить: «Да не нужно... Спасибо...» Она нашла опору в стене, оперевшись на нее вытянутой рукой, и я стал снимать с нее обувь, придерживая каждую ногу за икру. Когда стопы ее остались в одних белых носках, немного износившихся снизу, я сказал, что ей надо лечь, и спросил, где ее комната. Она показала рукой налево, и, придерживая ее, я прошел с ней в спальню со светло-зелеными шторами, полностью закрывающими окно. Она легла на двухместную кровать и попросила принести старое ведро из ванной под раковиной. Свет падал в комнату только от прихожей, и я спросил, нужен ли ей комнатный свет, на что она ответила «нет». Я нашел ванную комнату, взял из-под раковины потертое бежевое пластиковое ведро с ручкой. Когда я вернулся, она с кем-то говорила по телефону: «Нет, точно не надо... Не переживай... Да, хорошо». Закончив говорить, она положила телефон у подушки и сказала: «Сейчас приедет подруга, через минут тридцать». Затем она села на край кровати и поставила ведро между ног.

– Меня сейчас вырвет, – сказала она натужным, испуганным голосом.

– Ничего, не переживай, – начал успокаивать ее я. – Ты выпила алкоголь, возможно, он тебе не пошел, и нужно очистить желудок.

Через пару мгновений пошел позыв, сдернув ее грудь кверху, и ее обильно вырвало темно-желтой массой. Волосы ее упали вокруг ведра. Я сел рядом, отбросил ее волосы назад, собрал в хвост и стал держать его в руке. Она продолжила сидеть, сгорбившись над ведром, и через мгновение ее снова вырвало. Пошел резкий запах с отчетливыми тонами алкоголя. Я робко погладил ее по спине. После этого было еще два позыва, последний из которых был пустым, и она успокоилась. Я взял ведро – темная жижа с неперевавленными комками еды, – и она легла. Я вылил содержимое в унитаз, а затем промыл ведро в ванне, заливая в него много шампуня. На стульчике рядом с раковиной я увидел упаковку влажных салфеток. Закончив промывать, я вернулся к ней, поставил ведро у кровати, протянул ей салфетки и спросил, как она. Вытирая рот, первое, что она сказала мне, было «извини», а затем она ответила, что ей легче, но у нее болит голова. Вид у нее был уставший, изможденный: тяжелые, покрасневшие от рвоты глаза, побледневшая кожа на лице, синеватые полосы под глазами. Я спросил, есть ли у нее активированный уголь и обезболивающее, и она, положив использованные салфетки на тумбочку рядом с кроватью, сказала, чтобы я посмотрел их в шкафчике над раковиной в ванной. Я нашел необходимое – активированный уголь и парацетамол, – набрал на кухне немного воды из-под крана в первый попавшийся маленький стакан и вернулся к ней. Она приподнялась на предплечье и, выпив несколько таблеток активированного угля и одну парацетамола, поставила стакан на тумбочку и легла обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.